Общая газ.-2001.-25-31 окт.-с.10.

Журавлиная кантата

К 100-летию великого чтеца

25-31 окт. с.10 Общая газета 2001г.

Еще в далекие студенческие годы, когда я только-только вставал на театральную стезю, судьба одарила меня встречей с человеком, который на всю жизнь определил мои художественные пристрастия и явился живым воплощением известной чеховской фразы о том, что в человеке все должно быть прекрасно. Я говорю о Дмитрии Николаевиче Журавлеве, замечательном чтеце, удивительном человеке.

Случилось это на первом курсе театральной студии, которой руководил Юрий Александрович Завадский. Среди занятий по актерскому мастерству был предмет – художественное слово. Вела его Елизавета Яковлевна Эфрон, в прошлом соратница Вахтангова, тогда режиссер Дмитрия Николаевича.

Наши занятия происходили у нее дома. В полутемной коммуналке, среди неурядицы военного быта, в небольшой комнате с большим готическим окном, упирающимся в глухую стену, и замкнутой со всех сторон огромными книжными полками, – основное пространство занимал большой письменный стол, где аккуратными стопками были размещены письма, репродукции, старинные фолианты, из-за которых выглядывали пожелтевшие фотографии.

По окладистой бороде и копне волос угадывался лик Волошина, знакомый профиль выдавал Пастернака, но среди других фотографий выделялось лицо незнакомки с челкой на высоком лбу и с трагическим взглядом...

В те страшные годы где мне, мальчишке, было догадаться, что смотрели на меня глаза Марины Ивановны Цветаевой, чье имя было вычеркнуто из русской литературы...

И вот, в этой маленькой комнатке, похожей не то на келью, не то на купе в вагоне поезда, в углу стоял небольшой сундучок, а так как в жилище был только один стул, то каждый, кто приходил на занятия к Елизавете Яковлевне, усаживался на него. О этот сундучок! (Вспоминая его, можно вполне заговорить словами Гаева из «Вишневого сада»: «Многоуважаемый шкаф!..» и т.д.) Мог ли я знать в ту пору, что скрывалось в нем? А был он полон письмами, рукописями, дневниками, рисунками – всем тем, что составляло память о легендарной и многострадальной семье Эфронов и Цветаевых. Елизавета Яковлевна была родной сестрой мужа Марины Ивановны Сергея Яковлевича Эфрона.

И вот на нем, на этом самом сундучке, и произошло мое знакомство с Дмитрием Николаевичем, где он частенько занимал свое привычное место, превращаясь, подобно нам, в ученика Елизаветы Яковлевны. Казалось, что нас ничто не отличает: я был для нее Толей, а Дмитрий Николаевич становился Димой. Он точно как и я выслушивал замечания, а бывало, что и у меня, неоперившегося птенца, выпытывал впечатления о себе. Так на сундучке Елизаветы Яковлевны оба мы были равны перед великой тайной искусства художественного слова!..

Здесь Дмитрий Николаевич готовил свои новые программы, здесь обкатывал свои выступления, а я имел честь быть его «обкатываемым». Так, я впервые услышал всю «Пиковую даму» и «Даму с собачкой»; с гордостью открываю тайну для театралов: именно на мне впервые была обкатана «Кармен»... Концерты Журавлева имели ошеломляющий успех. Какого труда стоило достать билет в залы, где выступал Дмитрий Николаевич.

Но была в нем еще и другая наипритягательнейшая сила – его незаурядная личность излучала добро, красоту, человеческую порядочность. Какой счастливый жребий выпал на долю тех, кого он привечал и одаривал своей дружбой. Дом Журавлевых, небольшая квартира на Старом Арбате, рядом с театром Вахтангова, где он некогда служил и откуда начинал свой путь, – это целая тема, целая легенда!.. Для кого только не были открыты там двери! Здесь можно было приметить Святослава Рихтера, услышать Пастернака, быть представленным Фальку. А бедным студентам, забежавшим после занятий из училища, быть накормленными радушной хозяйкой, женой Дмитрия Николаевича – Валентиной Павловной, и непременно оказаться за обеденным столом в тесном кругу старых вахтанговцев. И случилось, что те, «накормленные», в конце концов вышли в люди, стали артистами. Валька Гафт, Шурка Ширвиндт, Лелик Табаков, Вася Ливанов, Алик Филозов... кто там еще? Тогдашние мальчики с широко раскрытыми глазами, жадно вдыхающие атмосферу необыкновенного журавлевского дома. А разве можно забыть, как Дмитрий Николаевич водил за собой «предлинной вереницей» своих учеников в квартиру Рихтера, где устраивались художественные выставки. Как он выпрашивал контрамарки для друзей в Большой зал консерватории на концерты великого пианиста. Как под его крылом мы не раз проникали на закрытые вернисажи в музей Пушкина...

Ну и я тоже, как говорится, был хорош! Помню, как в лето 68-го года в отпуск вздумалось мне рвануть не одному, а с семейством, без всякого уговора, на денька два-три, в Пушкинские горы погостить у Журавлевых, где он любил бывать ежегодно. И вот ранним утром, под скрежет старого «москвича», подобно Ивану Пущину, но, увы, без тройки и звона колокольчика, ворвался я в Михайловское, прямо на порог к Журавлевым! И Дмитрий Николаевич уже подобно прежнему хозяину Михайловского стоял передо мной на пороге с распростертыми объятиями! А каким потрясающим гидом он оказался: как трепетно водил нас вдоль Сороти, по тропам, аллеям, у Онегинской скамьи вдруг начинал читать пушкинские строфы.

Горько, что сегодня, среди оглушительных децибел, вырывающихся из приемников, мы почти не слышим его голоса, его записей, некогда сделанных на радио. И никакому спонсору, никакому фонду культуры не придет в голову в век прогресса аудиотехники перевести их на компакт-диски.

В доме у меня сохранились всего лишь две пластинки с его дарственной надписью. Но есть и еще одна памятная реликвия – черновики моих старых телевизионных сценариев. Некогда на телевидении мне предложили сделать цикл литературно-документальных передач о поэтах пушкинского времени. И кто же, как не Дмитрий Николаевич, мог оказаться моим наставником и высшим судией! И когда я перебираю эти странички и вижу между строк какие-то пометки, крючочки, стрелочки, то вверх, то вниз, у меня замирает сердце – ведь это его подсказы, его замечания, одному мне известные «петушиные слова», зашифрованные мною на наших встречах. А когда эти передачи выходили в эфир, какой трепет охватывал меня, если в ночи раздавался телефонный звонок и слышался знакомый голос, после которого можно было не сомневаться, кто ты есть на самом деле. Но вот однажды мне позвонили из Дома актера и сказали, что там собираются устроить юбилейный вечер в честь Дмитрия Николаевича, и просили выступить. Опасаясь, что на этом вечере Дмитрию Николаевичу предстоит быть замученным адресами, торжественными речами, телеграммами, я постарался сочинить нечто антиюбилейное. Счастливая «капустная» мысль натолкнула меня на обыгрывание самой фамилии юбиляра – ее птичью принадлежность, ее журавлиное происхождение. И придумалась некая «Журавлиная кантата для трех старых пернатых». Старыми пернатыми надлежало стать Ростиславу Яновичу Плятту, Борису Иванову и мне.

Уход за кулисы осуществлялся знаменитыми балетными па маленьких лебедей. Громовой хохот был ответом нашему «респектабиле». Громче всех смеялся юбиляр, и когда после своего шутовского адреса я подошел к нему, лицо его вдруг стало значительным и очень серьезным. Уж не обиделся ли он?.. Он как-то особенно посмотрел мне в глаза, помолчал и сказал: «Знаешь, то, что ты только что сделал, и то, что я услышал, – это очень серьезно!» – с ударением на «очень». И меня вдруг пронзила его искренняя привязанность ко мне. Как умел он видеть в малом нечто большее!..

Я часто гляжу на его фотографию, и в памяти возникают эпизоды наших встреч: вот опять сундучок, на нем Дмитрий Николаевич. Я вбегаю и почти кричу: «Дмитрий Николаевич, вчера я видел во МХАТе «Три сестры»!.. Еланская, Степанова, Тарасова, Хмелев!» Он дает мне выговориться, молчит, берет мою руку и говорит: «Эх, Толенька, если бы ты знал, как это играли старики!» И вот сегодня среди нашего театрального бума, фестивалей, награждений все чаще я вспоминаю этот далекий разговор, его концерты, тихий зал Дома ученых, где со сцены звучал его голос. И всем, кто был лишен счастья знать этого великого артиста, хочется сказать: «Ах, если бы вы знали, если бы слышали!»

Анатолий АДОСКИН